

Дискуссии

УДК 902(470.5):39(=511.1)(045)

О.В. Смирнов

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА (ГОЛОС В ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ЭТНОГЕНЕЗА УДМУРТОВ)

Статья написана в рамках дискуссии на страницах журнала «Вестник Удмуртского университета» об этнической принадлежности населения среднего и нижнего течения р. Вятки и Вятско-Ветлужского междуречья, оставившего на этой территории археологические памятники, датируемые I тыс. н. э. Поскольку в дискуссии затронуты вопросы, касающиеся подходов разных научных дисциплин, прежде всего археологии и лингвистики, к решению данной проблемы, то задача статьи – обсудить пути конструктивного междисциплинарного взаимодействия и описать возможности и границы лингвистической науки в вопросах этногенеза финно-угорских народов. Акцентируется внимание на трех ключевых предпосылках успешности междисциплинарного взаимодействия, а именно: 1) необходимость правильного понимания научных понятий и методов смежных дисциплин; 2) готовность к появлению противоречий в выводах разных научных дисциплин и использованию их как отправной точки для дальнейших исследований; 3) опора в ходе дискуссии на факты и аргументы той дисциплины, в которой исследователь – профильный специалист. С учетом сказанного анализируются аргументы участников дискуссии, формулируется основное ее противоречие, суть которого в том, что факты разных наук свидетельствуют: что население, оставившее археологические культуры Вятско-Ветлужского междуречья I тыс. н. э., в культурном отношении, возможно, было близко древним пермянам, но в языковом отношении, скорее всего, не было пермским (прапермским). В действительности же это не противоречие: такое положение дел в реальности вполне возможно. На этой основе в статье формулируются конкретные вопросы для дальнейших лингвистических исследований топонимии бассейна среднего и нижнего течения р. Вятки.

Ключевые слова: Вятско-Ветлужский регион, этническая история, финно-угорские языки, междисциплинарное взаимодействие, археология, топонимика.

В 2014 г. в журнале «Вестник Удмуртского университета» (Сер. История и филология. 2014. Вып. 1. С. 73-81) была опубликована дискуссионная статья С. К. Белых «К вопросу об этнической принадлежности населения Вятско-Ветлужского междуречья в I тыс. н. э.», вызвавшая негативную реакцию археолога Р. Д. Голдиной [4]. В обеих статьях затрагиваются мои исследования топонимии междуречья рр. Ветлуги и Вятки на предмет поиска пермского топонимического субстрата. К сожалению, в распоряжении авторов этих работ на момент написания ими статей были только мои краткие тезисы с научной конференции [11]. Более подробные материалы опубликованы позднее [12-14]. Они позволяют полнее оценить достоверность полученных результатов и уточнить некоторые вопросы. В связи с этим в рамках возникшей дискуссии обратим внимание в первую очередь на важность взаимопонимания лингвистов и археологов при решении проблем этногенеза народов.

Нет сомнения в необходимости использовать данные, накопленные разными науками, при изучении доисторического прошлого народов, однако неизбежно возникают сложности, главные из которых: 1) разные исследовательские стереотипы порой мешают правильному пониманию терминов и аргументов смежных дисциплин; 2) факты одной науки не стыкуются с фактами другой науки, а иногда и вступают с ними в противоречия.

Поскольку мои исследования и работы С. К. Белых относятся к сфере лингвистики, то начнем с конкретных результатов лингвистических исследований и их корректной интерпретации.

Р. Д. Голдина не приняла выводы, сформулированные нами на основе лингвистических данных, о том, что в I тыс. н. э. в бассейне р. Вятки в ареале еманаевской археологической культуры проживали группы населения, которые нельзя считать языковыми предками удмуртов, и что автохтонное происхождение удмуртов на этой территории сомнительно. Одним из аргументов в пользу таких выводов стало обнаружение весомого пласта топонимов, фонетическая форма которых соотносится с «допермским» состоянием, например топонимы без признаков деназализации¹ [13. С. 13-15;

¹ Фонетический процесс исчезновения носовых *м, н, ъ* перед взрывными согласными и аффрикатами в прапермском языке. Этот процесс является характерной чертой, отделяющей пермские языки от других финских языков [8. С. 137-145; 9. С. 138-139].

14. С. 95]. По всей видимости, данный аргумент не столь очевиден нелингвистам, поскольку интерпретируется Р. Д. Голдиной иначе: «учитывая архаичный характер этого пласта топонимики, логичнее было бы относить его формирование не к I тыс. н. э., а к более раннему времени – энеолиту (гаринско-волосовская общность), когда еще существовало финно-пермское языковое единство» [4. С. 76]. То есть употребленный мной термин «допермский» понимается археологом как некий архаичный артефакт, происходящий из глубокой древности финно-пермского единства и донесенный до нас в первоизданном виде. Мы видим в этом неправильное толкование термина «допермская фонетическая форма» и отождествление его с понятием «архаичный», в смысле «относящийся к более раннему времени». С лингвистической точки зрения это не одно и то же, именно потому термин «допермский» в своих статьях я ставлю в кавычки, когда употребляю его как характеристику фонетической черты рассматриваемого языкового факта.

Чтобы лучше разобраться в терминологических нюансах лингвистической науки, необходимо пояснить, чем топонимы отличаются от археологических артефактов. Дело в том, что топонимы, в отличие, например, от керамических осколков, не «застывают» в той форме, в которой они некогда «упали в землю», они живут в языке и изменяются вместе с изменением языка по действующим в нем фонетическим законам. Поэтому к языковым фактам, в том числе топонимическим, взятым не из древних письменных источников, а из современной живой речи, нельзя относиться с теми же стереотипами интерпретации, что и к археологическим артефактам. Возникнув в допермскую эпоху, топоним не может сохранить свою допермскую языковую форму, если он жил и функционировал в автохтонной прапермской, а затем – пермской языковой среде. Он будет изменяться по фонетическим законам этого языка, постепенно приобретая прапермскую, а затем пермскую фонетическую форму. Это универсальный закон, и проиллюстрировать его можно на далеком, но показательном примере: одна из больших рек Европы у славян называется *Лаба*, и она же называется у немцев *Эльба (Elbe)*. Название возникло еще в дославянскую и догерманскую эпоху (эпоху близкую общеиндоевропейской) в форме, которую можно реконструировать как **Albis*² (ср. латинское название этой реки *Albis* [15. С. 442]). В праславянском языке **Albis* изменилось в **Olbi* по фонетическому закону перехода краткого *ǃ* > *o* и отпадения конечного *-s* в раннем праславянском языке, а затем в позднем диалекте праславянского, из которого вышел чешский язык, **Olbi* перешло в **Labi* по праславянскому фонетическому закону восходящей звучности (закон открытых слогов) и далее в **Laba* (видимо, морфологическое выравнивание к слову **rěka* «река»), что дало чеш. *Labe*, ср. пол. *Łaba*, н-луж. *Łobje* [15. С. 442]. В германской ветви языков это название изменялось по фонетическим законам германских языков: **Albis* > **Elbi* (древнегерманский умлаут *a* > *e* перед *i* последующего слога и отпадение флексии *-s*) > нем. *Elbe* (переход *i* > *e* на конце слов). Ни в одном из современных языков этот топоним не сохранился в исходной дославянской и догерманской форме. Он изменился и приобрел славянские и германские фонетические и морфологические черты (соответственно). Его форму, близкую к исходной, мы узнаем только из древних латинских письменных источников. При этом, с точки зрения славянской исторической фонетики, немецкая форма *Elbe* содержит характерную «дославянскую» фонетическую черту – отсутствие метатезы **ǃlb- > lab-/lob-*³ – которая говорит только об одном, что форма топонима *Эльба* – **неславянская**. Мы привели этот территориально далекий пример, чтобы показать, что это универсальные законы.

Точно так же ведут себя топонимы везде, в том числе и в бассейне р. Вятка: если в топониме наблюдаются «допермские» фонетические черты, например отсутствие деназализации (р. *Андык*, р. *Индик*, р. *Кундыш*, р. *Лумпун*, р. *Лондюг*, р. *Немда*, р. *Сунда* и т. д.), это значит, что данный топоним жил и изменялся на исследуемой территории в непермской языковой среде, в которой не действовали пермские языковые законы, а значит язык был **непермским**. В данном случае в моем понимании «допермский» фактически означает **непермский**, на что я специально указываю в своих статьях [13. С. 15; 14. С. 92]. Именно поэтому слово «допермский» я часто беру в кавычки, и делаю это, когда речь идет о совпадении фонетической формы, а не о принадлежности соответствующих языковых фактов допермскому хронологическому языковому пласту.

Еще одна иллюстрация к сказанному: в современном марийском языке слово *кылме* «мерзлый» с точки зрения консонантизма (сохранение сочетания согласных *-лм-*) формально совпадает с до-

² Значок * обозначает реконструируемую форму.

³ Ср. аналогичное отсутствие метатезы в нем. *Elch* «лось» по сравнению со славянским *лось* [15. С. 522]; в нем. *Arbeit* – по сравнению с рус. *работа* и т. д.

пермским фонетическим обликом согласных в этом слове ф-перм. **kilmä* [17. С. 663], ср. коми *кын* «мерзлый», где в пермских языках произошло изменение группы согласных **-лм- > *-м- > -н-*. Однако это совсем не значит, что современное марийское слово *кылме*, ввиду подобного **формального совпадения** с допермской формой, принадлежит неким допермянам гаринско-волосовской общности. Нет, оно принадлежит современным марийцам. Поэтому совершенно не обязательна принадлежность топонима с «допермскими» языковыми чертами к эпохе гаринско-волосовской общности (допермской эпохе), более вероятна его принадлежность какому-то более молодому непермскому языку, из которого этот топоним был заимствован марийцами, относительно недавно пришедшими на Вятку. На это я бы хотел обратить особое внимание: топонимов, возникших еще до нашей эры и сохранившихся до наших дней, в бассейне р. Вятки, скорее всего, вообще очень мало. В основном это могут быть единичные названия каких-то крупных рек, основная же масса топонимов – это, с точки зрения археологической науки, молодые факты, возникновение которых относится к эпохе не ранее I тыс. н. э., то есть к периоду жизни населения, непосредственно предшествовавшего марийцам и удмуртам. Именно поэтому топонимические исследования, если нет исторических письменных источников и если они базируются на современных топонимических фактах, в отличие от археологии, просто не в состоянии проникнуть в глубокую древность исторических эпох. Они способны «вскрыть» только достаточно молодые хронологические пласты, непосредственно предшествующие языковой смене населения. В этом проявляется **ограниченность** топонимистики по сравнению с археологической наукой, которую нужно четко понимать. Как следствие, нельзя подходить к топонимическим исследованиям с «мерками» археологии.

Учитывая вышесказанное, на вопрос Р. Д. Голдиной, «почему О. В. Смирнов сопоставляет выделенный им топонимический пласт с архаическими чертами... именно с еманаевской археологической культурой V–IX вв.?» [4. С. 76], можно ответить следующим образом. Это делается на основании того, что: а) данный пласт является субстратным для марийского языка; б) если исходить из того, что марийцы пришли в бассейн р. Вятки в конце I тыс. н. э., то субстратные географические названия они заимствовали в это время из языка местного населения, что хронологически и территориально совпадает с концом еманаевской археологической культуры IX в. н. э. Поэтому логично предположить, что домарийский топонимический субстрат некогда был фактом языка носителей еманаевской культуры и отражает особенности языка населения этой культуры, в том числе – и дифференцирующие особенности, например, отсутствие многих пермских фонетических черт. Существенна в таком логическом построении исходная точка: когда марийцы пришли на Вятку и когда они заимствовали этот субстратный топонимический пласт, который затем передали русскому языку? Ответы во многом зависят от историков: если будет доказано, что марийцы появились позднее, то языковую хронологию этого субстратного топонимического пласта придется сдвигать в «кочергинское» время (IX–XIII вв.); если раньше – то в пьяноборскую эпоху (первая половина I тыс. н. э.). Есть еще один вопрос: могли ли предки удмуртов заимствовать этот субстратный пласт у каких-нибудь непермян в глубокой древности (до нашей эры) и передать его марийцам и русским? Ответ: **до нашей эры** они этого сделать **не могли**, так как иначе бы данные топонимы изменили свою фонетическую форму по законам, действовавшим сначала в прапермском, затем в древнеудмуртском языке, и в них последовательно нашли бы отражение пермские фонетические черты, и не было бы «допермских» фонетических особенностей. Единственная возможность – если удмурты заимствовали эти топонимы достаточно поздно, уже после прекращения действия прапермских фонетических законов, то есть **в конце I тыс. н. э.**, и затем передали эти топонимы марийцам и русским.

Подчеркну еще раз обозначенный выше важный вывод относительно хронологических возможностей топонимических исследований: они существенно ограничены по сравнению с археологией и, как правило, не могут углубляться хронологически дальше ближайшей смены населения на данной территории. В отношении Центральной России и Поволжья это время – не ранее I тыс. н. э. Значит, топонимия, как правило, может кое-что сказать о языке субстрата, то есть языке населения I–II тыс. н. э. Что же касается более древних хронологических пластов, то это уже субсубстрат, а его исследование весьма проблематично как в силу плохой сохранности, так и в силу фонетических изменений, произошедших за долгое время заимствований из одного языка в другой. Относительную «молодость» топонимов важно понимать во избежание соблазнов (со стороны историков) использовать топонимические аргументы для этногенетических построений ананьинской либо еще более глубокой древности. Как правило, такие топонимические аргументы мало достоверны. Для исследования

древностей до нашей эры больше годятся другие лингвистические инструменты – изучение древних лексических заимствований и реконструкция праязыкового лексического фонда (лингвистическая палеонтология).

И они успешно применяются в отношении исследования этногенеза финно-угорских народов такими учеными, как В. В. Напольских и С. К. Белых [1; 7. С. 121-167; 8]. В плане междисциплинарного взаимодействия и корректного использования аргументов смежных наук также важно здесь правильно понимать суть используемых понятий. Например, понятие «*реконструируемое слово праязыка*». В прапермском языке реконструируется слово **susi-pu* «кедр» [5. С. 267]. Именно оно привлекается С. К. Белых в качестве характеристики экологического ареала **прапермян** [1. С. 60]. Р. Д. Голдина оспаривает «привлечение для характеристики экологического ареала **пермян**» [4. С. 79] названия «сибирский кедр или сибирская кедровая сосна», так как это «термин, широко использующийся у коми-зырян и пермяков, но удмурты этим словом называют «можжевелик»» [4. С. 79]. В данном случае очень важно не подменять понятия. Речь должна идти именно о прапермянах, а не пермянах и о реконструированном слове прапермского языка в его **исходном значении «кедр»**, а не о словах современных пермских языков, где в случае с удмуртским языком произошел **сдвиг исходного значения**, на что прямо указывает С. К. Белых со ссылкой на этимологический словарь В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева: «можно с уверенностью утверждать, что в пермском праязыке этим словом назывался именно кедр, а в удмуртском произошел сдвиг значения ‘кедр’ > ‘можжевелик’ [КЭСК 1970: 267]» [1. С. 60]. Вопрос о том, почему в истории удмуртского языка в этом слове произошел сдвиг значения «кедр» > «можжевелик», – это отдельная тема, относящаяся к лингвистическим закономерностям изменения значений слов. Скорее всего, это связано с тем, что предки удмуртов в ходе своей истории переселились на земли, где не росли кедры, однако слово они не забыли, а стали обозначать им другое хвойное растение. Аналогий подобному изменению значений слов много в самых разных языках. Например, славянское слово *лось* имеет праиндоевропейские корни, что доказывается соответствиями в германских и греческом языках [15. С. 522]. При этом в древне-индийском языке, вероятно, произошел перенос значения этого праиндоевропейского слова «лось» > «самец антилопы» [15. С. 522], из-за миграции древних индийцев в места, где лоси не водятся.

Неточное понимание сути некоторых лингвистических понятий и методов представителями смежных наук связано с недоучетом того обстоятельства, что язык, слово, форма слова и его значение не являются застывшими во времени, а изменяются, причем изменения эти происходят не произвольно, а подчиняются определенным языковым законам. Если мы хотим оспорить привлечение слова со значением «кедр» для характеристики экологического ареала прапермского языка, то мы должны оспорить этимологическую реконструкцию, зафиксированную в этимологических словарях. Задача эта маловероятная: реконструкция формы слова «кедр» надежно подкрепляется закономерностями исторической фонетики финно-угорских языков, а исходное значение «кедр» у этого слова трудно опровергнуть, учитывая, что это значение у данного слова фиксируется во всех других уральских языках, в которых оно известно (например, в обско-угорских и самодийских), кроме удмуртского, значит именно в удмуртском произошел сдвиг первоначального значения. Таким образом, если верно разобраться в сути используемых понятий и методов смежной науки, то «основания для оформления границ прапермского экологического ареала» [4. С. 79], используемые С. К. Белых, вовсе не выглядят сомнительными.

Трудности стыковки данных разных наук при исследовании проблем этногенеза связаны не только с неверным пониманием некоторых терминов, методов и аргументов других научных дисциплин, но и с тем, что факты одной науки зачастую могут противоречить фактам другой науки. В нашем случае Р. Д. Голдина справедливо указывает, что анализ глиняной посуды I тыс. н. э. с памятников бассейна р. Вятки противоречит выводам анализа субстратной топонимии о близости еманаевского населения волжским финнам, в частности марийцам [4. С. 77, 80]: «Не надо быть археологом, чтоб, посмотрев на одновременную глиняную посуду I тыс. н. э. с памятников пермян бассейна р. Вятки и керамику с марийских памятников Марийского Поволжья, понять, что эта глиняная посуда сделана в совершенно разных традициях, сформировавшихся, очевидно, в разных этнических общностях.» [4. С. 80]. Более того, такая круглодонная глиняная посуда с Еманаевского городища VII–X вв. на р. Пижме «хорошо известна на синхронных памятниках пермян» [4. С. 77]. Этот археологический аргумент очень ценен, поскольку он приводится с доскональным знанием дела именно археологом. Хотелось бы обратить особое внимание на то, как важны в междисциплинарных исследованиях аргументы, высказываемые специалистами именно по своей специальности. Хотелось бы, чтобы таких

аргументов было больше. К сожалению, из археологических аргументов аргумент керамики, по сути, единственный, приводимый в противовес нашему лингвистическому анализу. Многие другие аргументы, которые использует Р. Д. Голдина, в частности из сферы лингвистики, недостаточно убедительны. Например, аргумент архаичности периферийно-южного наречия удмуртского языка на правобережье нижнего течения р. Вятки, который якобы работает против гипотезы С. К. Белых о сравнительно позднем появлении удмуртов (рубеж I–II тыс. н. э.) в Вятско-Ветлужском междуречье [4. С. 77]. В действительности этот аргумент вообще не связан с древностью появления здесь удмуртов. Лингвистам хорошо известно, что архаичность того или иного диалекта обусловлена не столько временем его появления в данной местности, сколько изоляцией и периферийным положением. Зачастую бывает наоборот: в местах древнего проживания народа языки и диалекты имеют больше инноваций, чем в местах более поздней экспансии. Примеры: исландский язык – самый архаичный из германских языков, но самый удаленный от европейской прародины германцев; а одними из наиболее архаичных диалектов русского языка являются диалекты староверов Аляски. Все это в силу изоляции и периферийного положения. Точно так же слаб аргумент распространения воршудных имен удмуртов [4. С. 77]. Как показал В. С. Чураков, на которого ссылается Р. Д. Голдина, в конце I тыс. н. э. удмурты были расселены, преимущественно, в юго-западных районах Удмуртии, юго-восточных районах Кировской обл. и в современных северо-западных районах Татарстана. С этим никто не спорит, что, однако, никак не отвечает на вопрос: жили ли раньше удмурты в более северных районах среднего течения р. Вятки, совпадающих с ареалом еманаевской культуры? По данным В. С. Чуракова, вверх по р. Вятке на р. Чепцу удмурты переселялись из нижнего течения р. Вятки сравнительно недавно – в середине II тыс. н. э. [16. С. 86-89]. Эти факты распространения воршудных имен удмуртов так же, как и аргумент архаичности периферийно-южного наречия удмуртского языка, никоим образом не отвечают на вопросы: где жили предки удмуртов до того, как в конце I тыс. н. э. они появились в нижнем течении р. Вятки, и на каком языке говорило «еманаевское население» бассейна р. Вятки выше р. Кильмезь?

Р. Д. Голдина совершенно справедлива в том, что данные археологии в вопросах этногенеза имеют ключевое значение и подчас более информативны, чем топонимические данные. Особенно это относится к более древним хронологическим периодам (до нашей эры), о чем мы уже ранее говорили. Тем более, от археологов крайне важны **чисто археологические аргументы**, связанные с выделением этнически значимых дифференцирующих признаков. Что касается аргумента керамики: если его действительно можно подкрепить другими археологическими признаками, объединяющими культуру местного населения I тыс. н. э. с более восточными синхронными культурами, связанными с предками пермян, и противопоставляющими ее культурам волжских финнов, то вырисовывается следующая картина: «еманаевское» население **в культурном отношении** было близко предкам пермян, однако говорило **на языке** с непермскими чертами. Это, конечно же, противоречие. Но именно такие противоречия заставляют двигаться в научных исследованиях дальше и искать истину. На мой взгляд, в ходе междисциплинарного взаимодействия при исследовании проблем этногенеза не нужно бояться противоречивых данных. Нужно их использовать для продвижения вперед.

Для меня, как лингвиста, археологические факты, приведенные Р. Д. Голдиной, заставляют поставить следующие вопросы для дальнейших топонимических исследований р. Вятки и прилегающих территорий, за что я очень благодарен школе, ею возглавляемой: а) более пристальный анализ местной топонимии на предмет наличия и систематизации фонетических черт, объединяющих обнаруженный пласт домарийской топонимии с пермскими языками; б) более точная хронологизация топонимии с волжско-финскими дифференцирующими чертами; в) проверка гипотезы о севернофинском (парасаамском) следе в топонимии Вятки и хронологизация этого пласта топонимов, поскольку носителями «немарийской» культуры в еманаевском ареале могли быть, в том числе, и эти группы, оставившие топонимический след гидронимии на *-юг* в бассейне р. Моломы, верхнем течении р. Ветлуги и в бассейне р. Юг (приток р. Сухоны), и предположительно говорившие на языке, сопоставимом в большей степени именно с саамскими и прибалтийско-финскими данными, что убедительно показал А. К. Матвеев [6. С. 172-180]. По нашим данным, этот севернофинский (парасаамский) ареал «южанской» топонимии (гидронимии на *-юг/-ыг*), видимо, распространялся также и на среднее течение р. Вятки выше впадения р. Кильмезь [12. С. 30, 33].

Ситуация, когда народы, объединяющиеся сходными культурными элементами, говорят на разных языках, встречается не редко (например, современная европейская цивилизация). Точно так

же материальная культура близкородственных в языковом плане народов может отличаться друг от друга (например, боснийцев и сербов). В связи с этим древнее население Вятки теоретически могло быть давно включено в ареал сильного влияния ананьинской и затем пьяноборской культурно-исторической общности и, судя по археологическим данным, так оно и было. При этом в языковом отношении оно могло быть генетически ближе не к пермским языкам, а к волжско-финским или северофинским. Однако это только теоретические возможности. Не стоит сбрасывать со счетов и прапермскую гипотезу. Все эти варианты нуждаются в тщательной дальнейшей проверке.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

нем. – немецкий язык
н-луж. – ниже-лужицкий язык
пол. – польский язык
р. – река
рус. – русский язык
ф-перм. – финно-пермский праязык
чеш. – чешский язык

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белых С. К.* Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск, 2009.
2. *Белых С. К.* Этнос и археологические «этномаркеры» (полемиические заметки) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2013. Вып. 1. С. 100-105.
3. *Белых С. К.* К вопросу об этнической принадлежности населения Вятско-Ветлужского междуречья в I тыс. н. э. // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 1. С. 73-81.
4. *Голдина Р. Д.* К дискуссии об исторических судьбах пермских народов и роли археологии в их изучении // Вестн. Удм. ун-та. Сер. 5: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 1. С. 75-85.
5. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
6. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. III. Екатеринбург, 2007.
7. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
8. *Напольских В. В.* Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи и исторические судьбы. Сер. «Археология евразийских степей». Казань, 2014. Вып. 20. С. 76-89.
9. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
10. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.
11. *Смирнов О. В.* Опыт этнического моделирования для этимологизации топонимов в ареале еманаевской археологической культуры // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Ч. 1. С. 218-220.
12. *Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 1 // Вопр. ономастики. 2013. Вып. 2(15). С. 7-59.
13. *Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 2 // Вопр. ономастики. 2014. Вып. 1(16). С. 7-33.
14. *Смирнов О. В.* Об этнической интерпретации археологических культур I тыс. н. э. в бассейне р. Вятки (по топонимическим данным) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи и исторические судьбы. Сер. Археология евразийских степей. Казань, 2014. Вып. 20. С. 90-105.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. (Е-Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1986. Т. 2.
16. *Чураков В. С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 2(2). С. 79-100.
17. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. В. I, II. Budapest, 1986–1991.

Поступила в редакцию 27.11.2015

O.V. Smirnov

**INTERDISCIPLINARY COLLABORATION IN ETHNOGENESIS PROBLEMS RESEARCH
(AN OPINION IN THE DISCUSSION ON THE QUESTIONS OF UDMURT ETHNOGENESIS)**

This article was written as a part of discussion in “Vestnik Udmurtskogo Universiteta” on the ethnicity of population of the middle and lower reaches of river Vyatka and Vyatka-Vetluga interfluve, which has left archaeological sites dating I millennium AD. Since the discussion touches upon questions concerning the approaches of different scientific disciplines to solving this problem, primarily archeology and linguistics, the objective of this article was to discuss ways of constructive interdisciplinary collaboration and describe the possibilities and boundaries of the linguistic science on the matters of ethnogenesis of the Finno-Ugric population. The article focuses on the three key prerequisites for successful interdisciplinary collaboration: 1) the need for a proper understanding of scientific concepts and methods of the related disciplines; 2) the readiness for the emersion of contradictions in the conclusions of various scientific disciplines and using them as a starting point for further research and progression to the truth; 3) the discussion is based, in the first place, upon the facts and arguments of the discipline in which the researcher is specialized. Taking this into account, the article analyzes the arguments brought by the panelists, formulates the main contradiction of the discussion, which is that the facts of different sciences suggest that the population that left archaeological cultures of the Vyatka-Vetluga interfluve of the I millennium AD, possibly, was culturally close to ancient Permyans, but linguistically, most likely, there was not Permian (Proto-Permian). Actually this does not contradict, since such situation is possible in reality. Thereupon specific questions are formulated for further linguistic research on the toponymy of the basin of the middle and lower reaches of Vyatka.

Keywords: Vyatka-Vetluga region, ethnic history, Finno-Ugric languages, interdisciplinary collaboration, archaeology and toponymy.

Смирнов Олег Витальевич,
кандидат филологических наук
АО «PCГ-Академическое»
620014, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 5Л
E-mail: ovsmirnov3@gmail.com

Smirnov O.V.,
candidate of philology
SC «RSG-Akademycheskoye»
Lenina av., 5L, Yekaterinburg, Russia, 620014
E-mail: ovsmirnov3@gmail.com